

XVIII 13
35

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
СССР
КМ. В. И. ДЕННИН
П 3271-64

ПОГАШЕНО
КАЗАНСКАЯ
ДУХОВНАЯ
АКАДЕМИЯ

№ 17. 1 М А Я. 1909.

ВЫХОДЯТ
ЧЕТЫРЕ РАЗА
ВЪ МѢСЯЦЪ.

ИЗВѢСТІА

РЕДАКЦІА
КАЗАНЬ
Духов. Академія.

ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ

Изданіе Казанской Духовной Академіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ приложеніемъ журнала „Православный Собор-
сѣдникъ“ епархіальнымъ подписчикамъ 8 р. Безъ прилож. 5 р.

СОДЕРЖАНІЕ.

Официальный отдѣль. Объ открытіи псаломщическихъ курсовъ въ г. Чебоксарахъ. 475. Архипастырская благодарность. 476. Распоряженія Епархіального Начальства. 476. Свободныя мѣста. 476. Выдача сборныхъ книгъ. 476. Порядокъ слѣдованія св. иконъ съ частицами св. мощей въ три монастыря Казанской епархіи. 477. Отчетъ о состояніи Казанскаго Епархіального женскаго училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1907—1908 уч. годъ. 481.

Неофициальный отдѣль. О духѣ и характерѣ церковнаго пѣнія. А. Н. 484. Церковное отлученіе (анагема) въ своей исторіи и въ своихъ основомотивахъ. А. Преображенскаго. 489. Открытіе Древлехранилища Церковнаго Историко-Археологическаго Общества Казанской епархіи. 499. Библиографія. 501. Извѣщеніе. 505. Объявленія. 506.

ОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЬ.

Объ открытіи псаломщическихъ курсовъ въ г. Чебоксарахъ.

На представленіи смотрителя Чебоксарскаго духовнаго училища г. Калиновскаго, отъ 20 сего апрѣля, о назначеніи сбора псаломщиковъ, избранныхъ на курсы, 31 мая, резолюція Его Высокопреосвященства, отъ 21 апрѣля за № 2276, послѣдовала такая: «Въ Консисторію. Немедленно напечатать («въ Извѣстіяхъ по Казанской Епархіи») объ открытіи въ іюнь мѣсяцѣ въ Чебоксарскомъ училищѣ псаломщическихъ курсовъ для желающихъ учиться на оныхъ чтенію (25 ур.), пѣнію (25 ур.) и церковному

уставу (25 ур.) въ продолженіи 25 дней, при чемъ курсистамъ будетъ выдано на содержаніе (50 лицамъ) отъ 5 до 10 рублей, по мѣрѣ поступленія суммъ. Оо. благочинные всей епархіи выплють по одному слушателю, нуждающемуся въ означенномъ обученіи, а Чебоксарскаго уѣзда—по два отъ благочинія».

АРХИПАСТЫРСКАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ.

Объявляется Архипастырская благодарность Земскому Начальнику 6 уч. Казанскаго уѣзда А. Т. Орлову за его вниманіе къ православнымъ жителямъ села Крещеныхъ Янасалъ и защиту ихъ отъ притѣсненій со стороны отступниковъ-татаръ.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Опредѣлены: учитель Иванъ *Кирилловъ*—и. д. псаломщика въ с. Никифорово, Мамадышскаго уѣзда, 11 апрѣля.

Священникъ Гродненской епархіи Сергій *Лизачевъ* перемѣщенъ въ Казанскую епархію, съ опредѣленіемъ въ с. Апайкину Гарь, Казанскаго уѣзда, 10 апрѣля.

Священникъ с. Красной Слободы, Спасскаго уѣзда, Андрей *Фанагорскій* отрѣшенъ отъ мѣста, 1 апрѣля.

Псаломщикъ въ санѣ діакона с. Венеты, Лаишевскаго у., Алексѣй *Сперанскій* перемѣщенъ на штатную діаконскую вакансію въ с. Кошки, Чебоксарскаго уѣзда, 13 апрѣля.

СВОБОДНЫЯ МѢСТА.

Священническія. Въ селахъ: Марьинѣ, Фроловѣ-Ясакѣ, Тетюшскаго уѣзда, Багильдинѣ, Цивильскаго уѣзда, и Красной Слободѣ, Спасскаго уѣзда.

Псаломщическія. Въ с. Ямбухтинѣ, Тетюшскаго уѣзда, (требуется кандидатъ въ діаконскомъ санѣ).

ВЫДАНЫ СБОРНЫЯ КНИГИ:

Крестьянамъ села Анатышь, Лаишевскаго уѣзда, Никифору Ѳеодорову Капаруллину и Петру Стефанову Капаруллину для сбора

пожертвованій на приобрѣтеніе большого колокола и окраску новаго каменнаго храма села Анатышъ.

Крестьянину села Матвѣвки, Спасскаго уѣзда, Александру Порфирьеву Неклюдову для сбора пожертвованій на достройку новаго каменнаго храма въ селѣ Матвѣвкѣ.

П О Р Я Д О К Ъ

слѣдованія св. иконъ съ частицами св. мощей: а) въ Кошлоушскій Александринскій чувашскій женскій монастырь, Ядринскаго уѣзда, б) въ Вершино-Сумскій Введенскій черемисскій женскій монастырь, Козмодемьянскаго уѣзда, и в) въ Покровскую женскую общину, для крещеныхъ татарокъ, Мамадышскаго уѣзда.

А) Кошлоушскій Александринскій чувашскій женскій монастырь, Ядринскаго уѣзда.

1. Сюда жертвуются отдѣленные и отпущенныя отъ Начальника Серафимовскаго скита, Пермской губерніи, іеромонаха Серафима, по дарственнымъ грамотамъ отъ наслѣдниковъ Пендапольскаго Митрополита на Аѳонѣ Нила, отъ 12 мая 1908 года, и грамотъ за подписомъ Митрополита Нила, отъ 12 апрѣля 1870 года, частицы св. мощей мученика Трифона (1 февраля) и священномученика Харлампія (10 февраля).

2. Святныи сіи, вѣзанныя въ соотвѣтствующія св. иконы въ сребропозлащенныхъ сосудахъ за стекломъ, сопровождаются благочиннымъ монастырей 3 округа епархіи отъ гор. Казани до станціи М. К. желѣзной дороги «Шихрань», Цивильскаго уѣзда, 13 числа мая мѣсяца сего 1909 года—закрытыми. Здѣсь встрѣчаются причтомъ церкви села Шихранъ съ крестнымъ ходомъ и приносятся въ церковь. 14 мая, послѣ божественной литургіи и благодарственнаго Господу Богу молебствія по случаю Высочайшаго празднованія Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, износятся изъ храма для молебнослуженій по домамъ обывателей села Шихранъ, если они того пожелаютъ, а затѣмъ обратно въ церковь и обычные проводы съ крестнымъ ходомъ за черту селенія, гдѣ служится общій мірской молебенъ и—

слѣдованіе св. иконъ по маршруту далѣе—черезъ село Шихраны, Цивильскаго уѣзда, при такомъ же порядкѣ встрѣчъ и проводовъ; 15 и 16 числа мая эти святины проносятся черезъ села Ачакасы и Орауши, Ядринскаго уѣзда, точно въ такомъ же порядкѣ встрѣчъ, служенія молебновъ по домамъ жителей и «мірскихъ» молебновъ въ поляхъ, или среди селеній, смотря по удобству и желанію обывателей, и 16 числа къ вечеру иконы приносятся къ мѣсту своего назначенія, въ храмъ Александринскаго женскаго чувашскаго монастыря. Здѣсь устанавливаются на приличествующихъ мѣстахъ и настоятелицѣ монастыря вручается свидѣтельство, выданное 23 сентября 1908 года за № 31, по которому получены и привезены вышеозначенныя святины—частицы св. мощей въ Кошлбушскій Александринскій чувашскій женскій монастырь, по предварительномъ прочтеніи онаго въ церкви монастыря къ народу.

3. Ко дню встрѣчи св. иконъ въ селѣ Шихранахъ—къ 13-му мая, туда придутъ монахини монастыря въ количествѣ, въ какомъ найдетъ нужнымъ и возможнымъ игуменія монастыря Ангелина, и одинъ изъ священниковъ—Илья Красновъ, первыя—для встрѣчи и сопровожденія св. иконъ съ мощами и пѣнія при молебнахъ, а священникъ сверхъ того въ помощь благочинному при служеніи молебновъ на пути слѣдованія иконъ, если таковыя будутъ желательны для обывателей всѣхъ попутныхъ селеній.

Б) Вершино-Сумскій Введенскій черемисскій женскій монастырь Козмодемьянскаго уѣзда.

1. Сюда также жертвуются начальникомъ Серафимовскаго скита, Пермской губерніи, іеромонахомъ Серафимомъ, отъ дарованныхъ ему по дарственнымъ грамотамъ отъ наслѣдниковъ Пендапольскаго Митрополита Нила на Авонѣ, отъ 12 мая 1908 г., и грамотѣ за подписью Митрополита Нила, отъ 12 апрѣля 1870 г., и іеромонаха Каллиника, отъ 23 апрѣля 1908 года, въ Иерусалимѣ, отдѣленныя и отлученныя частицы св. мощей св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона (27 іюля) и Св. Равноапостольной Маріи Магдалины (22 іюля).

2. Св. иконы великомученика Пантелеимона и св. Равноапостольной Маріи Магдалины, со вѣзанными въ нихъ въ серебряныхъ позолоченныхъ сосудахъ частицами св. мощей сихъ угодниковъ Божіихъ, сопровождаются благочиннымъ монастырей 3 округа епархіи, игуменомъ Гуріемъ, отъ г. Казани къ мѣсту ихъ назна-

ченія, 21-го мая на пароходѣ «Кашина» по рѣкѣ Волгѣ до пристани «Ильинка» — закрытыми. Здѣсь въ с. Ильинкѣ, Козмодемьянскаго уѣзда, 22 мая дѣлается мѣстнымъ церковнымъ причтомъ обычная встрѣча сихъ святынь и иконы вносятся въ церковь, гдѣ совершается, смотря по времени прибытія, или молебенъ съ акаѳистомъ или всенощное бдѣніе съ ранней литургіей на утро.

3. 23 мая, по окончаніи означенныхъ церковныхъ службъ въ селѣ Ильинкѣ, иконы износятся изъ церкви и совершаются молебнослуженія по домамъ обывателей, если пожелаютъ того, а затѣмъ обычные церковные проводы и иконы съ мощами несутся въ Александро-Невскій чувашскій мужской монастырь; здѣсь всенощное бдѣніе, ночлегъ, на утро ранняя Божественная литургія, молебенъ съ акаѳистомъ и слѣдованіе св. иконъ далѣе по маршруту до села Большой Сундырь, Козмодемьянскаго уѣзда.

4. 24 мая св. иконы проходятъ приходъ села Большого Сундыря; 25 мая приходъ Виловатаго Врага и въ Аштавай Нырскую общину; здѣсь всенощное бдѣніе, ночлегъ, на утро 26 мая ранняя литургія и обычные проводы иконъ съ мощами въ село Емелево; 27 мая — приходъ села Пайгусова; а 28 мая на мѣсто своего назначенія иконы приносятся въ Введенскій черемисскій монастырь. Здѣсь всенощное бдѣніе съ чтеніемъ акаѳиста, на утро Божественная литургія и праздничный молебенъ предъ иконами св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона и св. равноапостольной Маріи Магдалины, явившихся въ св. обитель Введенія въ частицахъ св. своихъ и нетлѣнныхъ мощей. Вездѣ обычныя встрѣчи.

5. Ко дню встрѣчи сихъ святынь къ 12 мая — въ село Ильинку имѣютъ прибыть изъ Введенскаго монастыря настоятельница, игуменія Смарагда съ монахинями, для сопровожденія св. иконъ и пѣвчими для пѣнія при молебнахъ, а въ помощь благочинному — іеромонахъ Александро-Невскаго монастыря Сергій въ село Ильинку, а въ село Большой Сундырь іеромонахъ Аштавай Нырской общины о. Савва, и 28 мая — въ деревню Вершино-Сумки священникъ Введенскаго монастыря о. Яхонтовъ съ крестнымъ ходомъ на встрѣчу шествуемымъ въ ихъ монастырь святынямъ.

6. Въ монастырѣ по прибытіи иконъ — врученіе настоятелемъ монастыря игуменіи Смарагдѣ свидѣтельства, отъ 29 сентября 1908 года за № 26, во удостовѣреніе даруемыхъ въ сію обитель частицъ св. мощей. Вышеозначенныя службы и обычныя многолѣтствованія, по окончаніи всего торжества.

В) Покровская женская община Мамадышскаго уѣзда.

1. Въ село Покровскую общину начальникомъ Серафимовскаго скита, Пермской губерніи, іеромонахомъ Серафимомъ, отдѣлены отъ дарованныхъ по дарственнымъ грамотамъ отъ наслѣдниковъ Пендапольскаго Митрополита на Аeonъ Нила, отъ 12 мая 1908 года, и грамотъ за подписомъ Митрополита Нила, отъ 12-го апрѣля 1870 года, и настоятеля Харлампіевскаго монастыря въ Іерусалимѣ, Архимандрита Григорія, отъ 23 апрѣля 1908 года, частицы св. мощей великомученицы Параскевы—Пятницы (28 октября) и св. Іоанна Златоуста (13 ноября и 27 января).

2. Сіи святыни въ соотвѣтствующихъ иконахъ сопровождаются Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Андреемъ, Епископомъ Мамадышскимъ и и. д. благочиннаго монастырей 3-го округа епархіи игуменомъ Гуріемъ къ мѣсту ихъ назначенія въ Покровскую общину изъ Трехсвятительскаго крещено-татарскаго скита, Мамадышскаго уѣзда, 11 іюня, послѣ литургіи въ скиту, слѣдуютъ въ село Меретякъ, гдѣ остановка и всенощное бдѣніе; 12 іюня литургія въ Меретякахъ и чрезъ деревни: Малые Меретяки, и Нырсы въ село Карабаянъ—бдѣніе; 13 іюня литургія въ Карабаянахъ и чрезъ деревни: Старый Карабаянъ, Тямти и Субаши въ село Гороховое Поле—бдѣніе; 14 іюня литургія въ Гороховомъ Полѣ и ходъ въ Савруши—бдѣніе; 15 іюня литургія въ Саврушахъ и ходъ въ Стар. Икшурму чрезъ Крещенскую дерев. Три Сосны; 16 іюня литургія въ Старой Икшурмѣ и ходъ въ село Абди—бдѣніе, ко времени котораго изъ Покровской общины приносятъ Казанскій образъ Божіей Матери, благословеніе общинѣ о. Іоанна Крондштадскаго; 17 іюня литургія въ селѣ Абди и крестный ходъ со всеми образами въ Покровскую общину.

3. При слѣдованіи сихъ святынь, по указанному въ преддущемъ пунктѣ маршруту, вездѣ церковными причтами дѣлаются обычныя встрѣчи и проводы; служатся молебны по желанію обывателей всѣхъ попутныхъ селеній, какъ общіе «мірскіе», такъ и частныя по домамъ жителей.

4. О днѣ прибытія св. иконъ съ частицами св. мощей къ встрѣчнымъ пунктамъ—Шихраны, Ильинки и Трехсвятительскій скитъ и къ мѣстамъ ихъ назначенія, а также слѣдованія по указаннымъ маршрутамъ, для жителей окрестныхъ селеній заранѣе разсылается чрезъ оо. благочинныхъ и настоятелей приходскихъ

церквей печатное оповѣщаніе, а полиціи о всемъ вышеизложенномъ дается знать къ свѣдѣнію.

И. об. столоначальника *Н. Молчановъ*.

О т ч е т ь

о состояніи Казанскаго Епархіальнаго женскаго училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1907—1908 уч. г.

І. Перемѣны въ личномъ составѣ служащихъ.

Въ теченіе отчетнаго 1907—1908-го учебнаго года, 18-го отъ основанія училища, въ составѣ служащихъ при училищѣ произошли слѣдующія перемѣны:

а) Преподаватель церковнаго пѣнія и дѣлопроизводитель Совѣта Михайль Добросмысловъ, согласно своему прошенію, по журнальному постановленію Совѣта, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ, освобожденъ отъ исполненія обязанностей дѣлопроизводителя, а на его мѣсто опредѣленъ по прошенію преподаватель училища Иванъ Альфонсовъ;

б) вновь введенные, вслѣдствіе послѣдовавшихъ измѣненій въ учебной части на основаніи опредѣленія Св. Синода отъ 23-го августа—5 сентября 1907 года, уроки по теоріи словесности въ 4-мъ классѣ съ надлежащаго разрѣшенія предоставлены Совѣтомъ на отчетный годъ преподавателю духовной семинаріи Владиміру Никитскому;

в) за отказомъ преподавателя Гавріила Витевскаго отъ уроковъ геометріи, послѣдніе, по журналу Совѣта, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ, поручены преподавателю гимназіи Петру Максимову;

г) докторъ медицины Иванъ Годневъ, съ основанія училища съ усердіемъ и знаніемъ дѣла исполнявшій въ ономъ обязанности училищнаго врача, за избраніемъ его членомъ Государственной Думы, согласно прошенію, уволенъ Совѣтомъ отъ платной должности врача, съ сохраненіемъ за нимъ права быть вторымъ бесплатнымъ врачомъ при училищѣ, согласно выраженному имъ желанію. На освободившуюся должность училищнаго врача опредѣленъ Совѣтомъ, съ надлежащаго утвержденія сего опредѣленія Его Высокопреосвященствомъ, врачъ Александръ Шибковъ;

д) наконецъ, по указу Св. Синода отъ 23 августа—5 сентября 1907 года, въ общемъ собраніи Совѣта въ составъ членовъ Совѣта при обсужденіи вопросовъ административнаго и хозяйственнаго характера единогласно избранъ и Его Высокопреосвященствомъ 26 ноября 1907 года утвержденъ преподаватель училища Иванъ Альфонсовъ¹⁾.

II. Составъ учащихся.

Казанское Епархіальное женское училище имѣетъ полный комплектъ (6) классовъ.

По своему происхожденію и средствамъ содержанія, учащіяся всѣхъ шести классовъ училища въ отчетномъ году распределялись слѣдующимъ образомъ:

Классы.	Общее число учащихся.	Духовныхъ.	Инословныхъ.	Живущихъ въ обществѣ.	Приходницъ.	На полномъ епархіальномъ содержаніи.	На половинномъ.	Стипендіатовъ и содержимыхъ на средства благотворительности.	Окончили курсъ и удостоены аттестатовъ.
1	45	45	—	41	4	8	4	—	—
2	48	48	—	45	3	11	2	1	—
3	44	44	—	41	3	11	3	3	—
4	45	45	—	43	2	9	3	1	—
5	39	39	—	36	3	9	3	1	—
6	44	43	1	41	3	10	2	—	44
Всего	265	264	1	247	18	58	17	6	44 ²⁾

¹⁾ Личный составъ служащихъ, за указанными измѣненіями, напечатанъ въ „Извѣстіяхъ по Казан. Епархіи“—1908 г. № 37, прилож. стр. 32—37.

²⁾ Сдала выпускной экзаменъ отъ прежняго курса Турентина Юлія, не сдававшая экзаменъ со своими подругами въ 1907 году по болѣзни.

Изъ всего состава воспитанницъ дочерей священническихъ 153, діаконскихъ 67, псаломщическихъ 45, въ томъ числѣ сиротъ 58. Стипендіями пользовались: имени Ихъ Императорскихъ Величествъ—ученица IV класса Лебедева Антонина;—Казанск. купца И. С. Кривоносова—ученица II класса Андреева Татьяна;—статскаго совѣтника А. П. Репьева—III класса Аристовская Вѣра;—Казанскаго купца А. Н. Чарушина—того же класса Богатырева Марія;—дворянки М. Ѳ. Ушаковой—ученица V класса Ронгинская Анна; ученица III класса Орлова Софія содержалась на личные средства Его Высокопреосвященства.

За содержаніе своекоштныхъ пансіонерокъ духовныхъ уплачивается отъ 100 руб. до 110 руб. (за первый годъ обученія), свѣтскихъ—300 рублей въ годъ. Сверхъ того, за обученіе музыкѣ (на рояли) взимается по 25 руб. съ ученицы (20 рублей на вознагражденіе учительницы, а 5 руб. на поправку и настройку музыкальныхъ инструментовъ) и на скрипкѣ—по 15 руб.; изучавшія французскій языкъ платили по 10 рублей въ годъ. Приходящія за право обученія платятъ: духовныя по 20 рублей, а свѣтскія по 40 руб. въ годъ, при чемъ дѣти недостаточныхъ родителей совершенно освобождались Совѣтомъ отъ платы.

Примѣчаніе. За послѣдніе годы свѣтскихъ пансіонерокъ въ училищѣ не было.

(Продолженіе слѣдуетъ)

НЕОФФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

О духъ и характеръ церковнаго пѣнія.

Особенность многихъ предметовъ и обстоятельствъ опредѣляется ихъ принадлежностью тѣмъ или другимъ лицамъ. Такъ на князьяхъ и вельможахъ естественно видѣть: шелкъ и бархатъ, серебро и золото, а крестьянъ могутъ украшать: холстъ и сермяга, мѣдь и желѣзо, гдѣ оно потребно.

Церковное пѣніе раздается въ храмахъ—въ служеніи Богу—и потому оно всегда должно носить духъ священный и отличаться характеромъ святой возвышенности.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно назначается для того, чтобы трогать сердца молящихся, которые между тѣмъ бываютъ весьма различны, какъ по своему умственному развитію, такъ и по эстетической восприимлемости. Посему, очевидно, пѣніе должно быть различно, и не по различію только лицъ, но главнымъ образомъ по существу пѣснопѣній, приспособленныхъ къ различію воспоминаемыхъ и переживаемыхъ обстоятельствъ церковной жизни: радостныхъ (пасхальныхъ) или печальныхъ (великопостныхъ), торжественныхъ (царскихъ) или плачевныхъ (похоронныхъ). На все это вездѣ имѣются свои обычаи и свои уставы, опредѣленность и точность которыхъ обыкновенно исполняется безпрекословно. Все это, такъ сказать, безспорныя истины, не требующія особыхъ доказательствъ.

Но вотъ въ чемъ вопросъ: о чемъ по преимуществу должно заботиться въ церковномъ пѣніи вообще, или иначе говоря: какая должна быть его постановка въ наибольшемъ кругѣ нашихъ православныхъ храмовъ, чтобы это пѣніе приносило наибольшіе результаты въ жизни Православно-русской Церкви? Для разрѣшенія сего-то вопроса и важно опредѣлить тѣтъ духъ и характеръ, который должно носить православно-русское пѣніе.

Впервые вводя слово „русское“, мы нѣкоторымъ образомъ предрѣшаемъ затронутый вопросъ. Правда, православіе имѣетъ характеръ соборности и вселенскій духъ, но оно не отвергаетъ вселенія этого духа и образования по нему характера мѣстнаго во многихъ обрядахъ и въ томъ числѣ въ пѣніи церковномъ.

Принявши отъ грековъ вѣру православную, рускіе приняли у нихъ и пѣніе, по преимуществу одногласное—унисонное, отчасти же и демественное—придворное, наилучшее. Все это, съ теченіемъ времени, получило свое особенное выраженіе, которое и запечатлѣно было въ такъ называемомъ крюковомъ нотописаніи (знаменномъ).

Въ оцѣнкѣ этого стариннаго пѣнія сходятся истые любители старины и самые компетентные знатоки пѣнія, какъ напримѣръ Димитрій Степановичъ Бортнянскій, который полагалъ, что „полный кругъ русскаго крюковаго пѣнія можетъ быть самымъ прочнымъ основаніемъ къ созданію собственнаго музыкальнаго міра и неисчерпаемымъ источникомъ для новѣйшаго пѣнія“.

Одинъ изъ ближайшихъ послѣдователей его, А. Θ. Львовъ, гармонизировалъ эти древніе напѣвы, такъ что Львовскій обиходъ до сихъ поръ распѣвается въ нашихъ храмахъ, какъ самое обыкновенное пѣніе, въ которомъ между тѣмъ сокрыто величайшее сокровище, чудное наследіе вѣковъ и даже тысячелѣтія. Это—перлы искусства. Ихъ популяризировалъ въ большемъ кругу протоіерей Петръ Ивановичъ Турчаниновъ, и ему приписывается особенный характеръ народнаго композитора, а между тѣмъ онъ трудился не какъ полный специалистъ, а какъ послѣдователь Бортнянскаго, за которымъ слѣдуютъ многіе донынѣ, въ лицѣ лучшихъ современныхъ композиторовъ и корифеевъ церковнаго пѣнія.

Такимъ образомъ, исторически, жизненно и научно мы пришли къ тому, что церковное пѣніе должно быть народнымъ по духу и характеру своему.

Для остановокъ при пѣніи разными чертами.

Одинъ изъ современныхъ знатоковъ пѣнія вообще и древне-русскаго въ частности (Степ. В. Смоленскій) такъ говоритъ о немъ: „и русское церковное пѣніе есть искусство древнее, народно-самобытное, чрезвычайно обширное, всегда живое въ своихъ обновленіяхъ и увлеченіяхъ, всегда бывшее самымъ любимымъ и самымъ задушевнымъ“. „Русское церковно-пѣвческое искусство есть длиннѣйшій рядъ давно записанныхъ, самыхъ задушевныхъ откровеній генія нашей пѣвучей родины“. „Оно подпадало подъ разныя вліянія, увлеченія, но оно же всегда и самоотрезвлялось, оставаясь въ главныхъ своихъ устояхъ глубокомысленнымъ и вполнѣ народнымъ“. „Въ массѣ прелестныхъ мелодій, въ звукахъ, полныхъ задушевности, полныхъ общенія съ народными пѣснями, создались такъ называемые „обычные напѣвы“. Искреннія вдохновенія завоевали массы своею простотою, мелодичностію, прямо доходящею до сердець миллионовъ молящихся“. „О тебѣ радуется“ (Турчанинова)—это „шедевръ“, говоритъ другой цѣнитель пѣнія. А „Да молчитъ всякая плоть человѣческая“? Развѣ на этой псѣсѣ не лежитъ печать геніальности? Еще выше „Тебе одѣяющагося“... Не меньшіе шедевры представляютъ изъ себя „Коль славень нашъ Господь въ Сіонѣ“ Боршнянскаго и „Боже, Царя храни“ Львова. Изъ сего явствуетъ, что наше пѣніе вообще и церковное въ особенности весьма богато и разнообразно. Посему естественно спросить: что же изъ этого великаго множества избирать, или иначе къ чему стремиться въ наибольшей степени и мѣрѣ? Недавно намъ приходилось говорить по поводу исполненія 75-лѣтія написанія нотъ для народнаго гимна, и къ стыду своему сознаваться, что народный гимнъ въ теченіе 75 лѣтъ еще далеко не сталъ народнымъ, въ смыслѣ его распространенія въ массѣ народной. Важно опредѣлять тотъ духъ и характеръ, который должно носить православное русское пѣніе.

Такъ и церковное пѣніе; хотя оно по духу и характеру своему—народно, но по распространенности оно далеко не народно. Изъ сего явствуетъ, что задачей нашего времени должно быть попеченіе то томъ, чтобы церковно-народное пѣніе было полнымъ достояніемъ нашего народа, а не исключительнымъ достояніемъ немногихъ лицъ, часто поющихъ не по охотѣ и желанію, а по необходимости. Но съ чего начать обученіе народа церковному пѣнію? Конечно, не съ того, что дается только виртуозамъ, а съ того, что общедоступно, что составляетъ уже достояніе многихъ, къ которымъ должны понемногу приобщиться и всѣ, чтобы, наконецъ, всѣ единымъ сердцемъ и едиными устами величали Господа псалмами и пѣснями духовными.

Постепенность обученія народа церковному пѣнію, конечно, можетъ быть многообразная, но, кажется, никто не станетъ спорить, что *обучать нужно именно обычному пѣнію*, далѣе переходить къ старому нотному пѣнію и, наконецъ, и къ такъ называемому партесному, чтобы хотя къ столѣтію народнаго гимна вся Русь могла пѣть—отъ стараго до малаго: „*Боже, Царя храни*“ и т. д. Можно, конечно, начертать нѣкоторые малые и большіе круги общенароднаго церковнаго пѣнія. Таковъ на примѣръ *первый кругъ*: „Спаси, Господи, люди Твоя“, „Отче нашъ“, „Достойно есть“... „Вѣрую“... *Второй кругъ*: „Царю небесный“, „Взбранной воеводѣ“, „Во царствіи Твоемъ помяни насъ, Господи! Блаженни нищии духомъ, яко тѣхъ есть царство небесное“... „Благочестивѣйшаго“... Но лучше всего пользоваться велико-праздничными пѣснопѣніями, которыя и большому числу православныхъ извѣстны и поются съ наибольшимъ усердіемъ, на примѣръ, рождественскія, а тѣмъ болѣе пасхальныя. Но понятно, что при семъ должны быть руководственныя книжицы—по примѣру тѣхъ, кои издаетъ Казанское братство Христа Спасителя, прилагая иногда къ словамъ и нотописаніе, и дѣлая указанія для остановокъ при пѣніи разными чертами.

Сначала, конечно, по этимъ книжкамъ будутъ пѣть только грамотные, но съ теченіемъ времени къ нимъ прикнутъ и неграмотные, какъ это бываетъ въ крестныхъ ходахъ, гдѣ часто поютъ ирмосы: „Отверзу уста моя“—грамотные и неграмотные. Тоже должно сказать и о „Вышнюю небесъ“, пѣваемую во многихъ храмахъ послѣ литургии. Зряне поютъ даже по нотамъ всѣ догматики. Не стыдно ли намъ, что у насъ не могутъ пропѣть общимъ народнымъ составомъ „Отче нашъ“, или молитву за Царя?! Да, пора, давно пора сдѣлать наше церковно-народное пѣніе не по духу только, но и въ дѣйствительности народнымъ, постепенно привлекая народъ къ общему церковному пѣнію.

Цѣль церковно-богослужебной музыки (пишетъ одинъ знатокъ ея)—сообщить всѣмъ единое духовное настроеніе, слить духовно всѣхъ, знатока и пѣвца народной пѣсни въ единое духовное тѣло, дабы оно могло единымъ сердцемъ воспѣвать великолѣпное имя Творца. Церковь въ своихъ братскихъ условіяхъ не дѣлаетъ исключеній ни для кого, даже для царей земныхъ.... Врядъ ли ошибочно будетъ предположеніе, что въ IV вѣкѣ, когда христіанская церковь повсемѣстно устраивала богослужебное пѣніе и службы, св. Василій Великій и Іоаннъ Златоустъ придавали чрезвычайно важное значеніе общедоступности церковнаго пѣнія всей массѣ, почему и ввели въ молитву составленныхъ ими литургій обязательное условіе воспѣвать и славить Пречестное Имя единымъ сердцемъ и едиными устѣ. Къ сему должно прибавить и то, что и другими мѣстами литургии само собою предполагается общенародное пѣніе; напр. когда говорится: „горѣ имѣмъ сердца“, то христіане должны были искренно сердечно отвѣчать: и мы имѣемъ горѣ сердца. А нынѣ все это продѣлываютъ одни наемные пѣвчіе, большею частію прекрасно, но въ общемъ къ существу дѣла безучастно. Еще того требовательнѣе должно было отвѣтствовать на призываніе: „мирѣ

.....

всѣмъ— „и духови твоему“. И то должно сказать, что самое названіе литургіи—общее дѣло (дѣйствіе) говоритъ объ обязательномъ участіи въ литургіи всѣхъ, по мѣрѣ возможности. При пѣніи за литургіей антифоновъ можетъ принимать участіе иногда и священникъ, но далѣе онъ лишень этой возможности, а потому прочіе члены клира уже сами должны всячески постараться всѣхъ возбудить къ тому, приохотить и всѣмъ помочь, помоляся Подателю всѣхъ дарованій, силъ, глаголя: и даждь намъ едиными усты и единымъ сердцемъ славити и воспѣвати пречестное имя Твое и Твоя отъ Твоихъ даровъ Тебѣ приносить о всѣхъ и за вся—псалмы и пѣсни духовныя, поюще, вопіюще, взывающе и глаголюще: Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѣ, исполнь небо и земля славы Твоя!

А. Н.

«Церковное отлученіе (анагема) въ своей исторіи

и въ своихъ осново-мотивахъ». 1)

Отлученіе, какъ исключеніе изъ состава общества, встрѣчается уже въ самой глубокой языческой древности, такъ какъ разумная необходимость его коренится въ существѣ всякаго общественнаго союза, состоящаго изъ людей, и, въ частности, всякаго религіознаго организованнаго союза. Отсюда, если не во всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, въ очень многихъ изъ древнихъ религіозныхъ обществъ существовали такіа учреждения и обряды, которые тѣсно связаны съ этимъ правомъ отлученія, какъ свидѣтельствуешь объ этомъ исторія. У египтянъ, напр., не позволялось входить въ храмъ пастухамъ свиней. У персовъ маги не допускали къ участію въ жертвоприношеніяхъ людей, покрытыхъ струпьями, имѣвшихъ на лицѣ сыпь или другія проявленія наложныхъ болѣзней, а равно и тѣхъ, надъ которыми еще при жизни совершенъ былъ обрядъ погребенія. Скиѣны не принимали жертвоприношеній отъ тѣхъ, которые не убили ни одного изъ своихъ

1) Продолженіе. См. № 16-й.

непріятелей. У грековъ отлученіе важныхъ преступниковъ обусловливалось общенароднымъ согласіемъ и совершалось жрецами самымъ торжественнымъ образомъ, послѣ чего имя отлученнаго вырѣзывалось на каменныхъ столбахъ, на память потомству, какъ одно изъ самыхъ страшныхъ и омерзительныхъ (таково отлученіе Алкивіада афинскимъ жречествомъ, о которомъ рассказываютъ Плутархъ, Непотъ и др. историки). По свидѣтельству Юлія Цезаря, всѣ галлы, неподчинявшіеся распоряженіямъ и постановленіямъ своихъ жрецовъ—друидовъ, устранялись послѣдними отъ участія въ богослуженіи и жертвоприношеніяхъ,—и это считалось у нихъ величайшимъ изъ наказаній. На такого чловѣка смотрѣли, какъ на отъявленнаго злодѣя и нечестивца. Его всѣ избѣгали, никто не вступалъ съ нимъ въ общеніе, боясь подвергнуть себя такой-же участи. Ему отказывали въ судѣ и не удостоивали малѣйшихъ знаковъ вниманія. Особенно такъ поступали съ людьми упорными, неподдававшимися никакимъ мѣрамъ воздѣйствія. У древнихъ германцевъ трусость на войнѣ считалась великимъ позоромъ, наравнѣ съ преступленіемъ. Кто, оставляя мечъ на полѣ брани и бросая оружіе, обращался въ бѣгство, на того смотрѣли, какъ на самаго безчестнаго чловѣка; его отлучали, какъ преступника, отъ всѣхъ богослужебныхъ дѣйствій и жертвоприношеній и не допускали ни къ какимъ публичнымъ собраніямъ. Онъ былъ предметомъ всеобщаго презрѣнія и сколько разъ такіе люди, желая положить конецъ своему невыносимому положенію, оканчивали самоубійствомъ. Подобнаго рода отлученіе отъ религіознаго и политическаго общенія практиковалось и въ римской республикѣ; „*Diris devovere, sacer esto*“, съ которымъ имѣетъ полную аналогію такъ называемое „табу“ у нынѣшнихъ островитянъ, означало не что иное, какъ торжественное изытіе преступника изъ состава общества, и потому католическимъ ученымъ Van Espen'омъ вполне сблизается съ нашимъ христіанскимъ: „анаѣема“¹⁾. Можно было бы представить и еще нѣсколько историческихъ доказательствъ, но и приведенныхъ, полагаю, вполне достаточно, чтобы видѣть, что отлученіе отъ религіознаго и политическаго общенія и у языческихъ народовъ почиталось естественнымъ и необходимымъ правомъ. И если мы не хотимъ утверждать, что это право имѣло одну только нравственно-религіозную сторону, безъ всякаго социально-политическаго оттѣнка, и суще-

¹⁾ Н. Суворовъ. О церковныхъ наказаніяхъ., Спб. 1876, стр. 49, прим. 4.

ствовало вездѣ въ опредѣленной и постоянной формѣ, то съ другой стороны, не можетъ не признать здѣсь и нѣкоторой аналогіи съ отлученіемъ церкви. Но для исторіи послѣдняго — христіанскаго отлученія — большее (если не генеалогическое, то историческое) значеніе имѣетъ еврейское синагогальное отлученіе. У евреевъ, какъ можно судить на основаніи позднѣйшихъ раввинскихъ постановленій и неоднократныхъ евангельскихъ засвидѣтельствований¹⁾, существовала во весь синагогальный періодъ въполнѣ развитая и опредѣленно выработанная система отлученій, опиравшаяся на непрерываемые въ своемъ значеніи и основѣ примѣры отдѣльныхъ наказаній и проклятій, исходившихъ отъ самого Бога и Его законодателя Моисея въ первоначальный періодъ исторіи избраннаго народа, и различавшая два вида или, вѣрнѣе, двѣ послѣдовательныя степени религіознаго отлученія. Первая — низшая и сравнительно легкая степень называлась „ниддуи“ или „хамта“ (отъ глагола „надагъ“ — отодвигать, отдалять, отгонять) и состояла въ томъ, что подвергшійся ему въ теченіе опредѣленнаго времени (не менѣе мѣсяца) не долженъ былъ — ни стричься, ни бриться, ни носить на ногахъ сандалій; молиться ему разрѣшалось только во дворѣ язычниковъ; домашнимъ (кромя жены и дѣтей) и постороннимъ строго запрещалось имѣть съ нимъ какое-либо общеніе. Если отлученный не обнаруживалъ искренняго раскаянія и рѣшительнаго намѣренія исправиться, срокъ „ниддуи“ увеличивался до двухъ, иногда до трехъ мѣсяцевъ; если же и послѣ этого онъ продолжалъ упорствовать, его подвергали новому — великому отлученію, — такъ называемому „херемъ“ или „петиха“ (отъ глагола „харамъ“ — истребилъ, убилъ, исключилъ). Отлученный на этой степени не только терялъ права члена гражданской общины, но къ нему никто не могъ даже приближаться ближе, чѣмъ на 4 локтя. Онъ не имѣлъ права ни учить, ни учиться, ни принимать услугъ, ни наняться къ кому-нибудь самъ въ работу; ему запрещалось бывать въ собраніяхъ, ѣсть и пить съ кѣмъ-либо, мыться и надѣвать на себя праздничную одежду; дѣти его не допускались къ обрѣзанію; посѣщеніе храма, правда, не возбранялось, но существовали особенныя ворота, чрезъ которыя подобныя лица должны были входить въ храмъ и оставлять его. Съ цѣлью придать болѣе устрашающій характеръ великому отлученію, самое произнесеніе его обставлено было нѣкоторыми, сильно дѣйствующими

¹⁾ Лук. 6, 22; Иоан. 9, 22, 34—35; XII, 42; XVI, 2; Марк. 14, 71; Мат. 26, 74.

щими на воображеніе, церемоніями: народъ собирали въ синагогу звукомъ трубы, трубили въ рога, разрывали наполненные воздухомъ кожаные мѣхи; на главу отлучаемаго публично призывалось проклятіе и разнаго рода „бѣды и пагубы“, зажигались черные факелы и при повтореніи опредѣленной формулы анаемы погашались въ знакъ того, что отлученный недостоинъ уже небеснаго свѣта. По окончательномъ произнесеніи херема все собраніе отвѣчало: *аминь*. Послѣ сего на отлученнаго смотрѣли, какъ на зачумленнаго, всѣ избѣгали его, какъ заразы; за непозволенное общеніе съ нимъ, хотя-бы изъ крайняго состраданія, каждому грозило — „ниддуи“ или „хамта“. Имущество отлученнаго нерѣдко конфисковалось въ пользу казны церковной и ему оставляли только крайне необходимое для самаго скуднаго пропитанія. Въ случаѣ смерти подъ запрещеніемъ, послѣднее омрачало безславіемъ и самую могилу покойника. Никто не смѣлъ ни сопроводить праха его къ мѣсту упокоенія, ни оплакивать его смерти, ни носить траура по его кончинѣ. На могилу его бросали тяжелые камни, въ знакъ того, что еще при жизни онъ заслуживалъ побіенія¹⁾. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ гебраистовъ: Концея, Селдена, Готтингера и др., кромѣ этихъ двухъ — описанныхъ — формъ отлученія, существовала еще третья самая ужасная форма — шаммата, подвергавшійся которой осуждался на всегдашнее безповоротное изгнаніе изъ синагоги и общества вѣрующихъ и представлялся уже послѣднему суду Божію. Дѣйствительно-ли словомъ „шаммата“ обозначалась особая высшая послѣдняя ступень отлученія, или это было другое названіе для формы — „ниддуи“, — вопросъ этотъ, бывший долгое время предметомъ спора ученыхъ, не приведенъ, пожалуй, и теперь къ окончательному рѣшенію²⁾; но для насъ это обстоятельство не имѣетъ существеннаго значенія. Для насъ достаточно видѣть, что отлученіе существовало и у иудеевъ и существовало въ довольно опредѣленной формѣ, и

¹⁾ О еврейскомъ синагогальномъ отлученіи и его формахъ см. Стефана Семенова: „О чинѣ православія“, Кіевъ, 1856, стр. 13—17; проф. Н. Суворова: „О церковныхъ наказаніяхъ“ Спб. 1876, стр. 48—50; Руководство для с. пастырей, 1901, II, стр. 314—315; Тобольск. Епарх. Вѣд. за 1901 г., стр. 205—206 и др.

²⁾ Правда, проф. Кіевской акад. свѣц. А. Глаголевъ рѣшительно считаетъ эту третью степень схоластическимъ изобрѣтеніемъ средне-вѣковаго евр. грамматика Элія Левита. См. Труды Кіевской дух. ак. за 1901, II, стр. 546.

что эта мѣра вызывалась внутреннею необходимостью, какъ неизбежное средство для поддержанія общественного порядка и нравственной дисциплины.

Но если разумная необходимость отлученія, какъ вообще исключенія изъ состава религіознаго общества, сознавалась, наравнѣ съ ветхозавѣтною, и новозавѣтною церковью, то въ самомъ характерѣ отлученія нельзя не подмѣтить между той и другой слишкомъ большой и рѣшительной разницы. „Сравнивая, говоритъ извѣстный канонистъ проф. Суворовъ, черты еврейскаго отлученія съ тѣмъ, о которомъ говорилъ Христосъ и Его апостолы, безъ труда можемъ видѣть, что духъ новозавѣтнаго отлученія не имѣетъ ничего (или слишкомъ мало) общаго съ отлученіемъ еврейскимъ; первое отнюдь не ведетъ своей генеалогіи отъ послѣдняго, хотя, съ другой стороны, нельзя не сказать, въ виду дальнѣйшей исторіи христіанскаго отлученія, что еврейскій типъ не остался безъ вліянія на практику христіанской церкви, которая далеко не всегда выступала нерѣдко въ духъ ветхозавѣтной пламенной ревности Іліи Тесвитаина“¹⁾. Если съ понятіемъ еврейскаго отлученія, особенно на степени „херема“, нельзя не соединять до извѣстной степени элемента *кары*, со всею неизбежностью и неумолимостью преслѣдующей преступника²⁾, а также и элемента „проклятiя“, — нѣчто болѣе сильное, чѣмъ одно изгнаніе изъ видимаго религіознаго общества, какъ бы рѣшительное предопредѣленіе анаематизированнаго къ вѣчной гибели, съ безжалостнымъ призываніемъ на отлученнаго разныхъ золь и невзгодъ, съ исключительно-тяжелыми послѣдствіями для его гражданско-соціального положенія, то ничего подобнаго нельзя усматривать въ христіанской анаемѣ — этой, правда, крайней, но все-же не карательной, а педагогической мѣрѣ сострадающей любви и мудрой предусмотрительности, оставляющей и послѣ себя въ отношеніи къ отлученному долгъ полныхъ благожелательства и скорбной молитвы человѣческихъ отношеній и не

¹⁾ Н. Суворовъ, *op. cit.*, стр. 50—51.

²⁾ ...что такъ гармонировало съ духомъ ветхозавѣтной религіи, гдѣ вѣрность закону воспитывалась и закалялась мечемъ и кровью, гдѣ дѣйствовалъ — или непосредственно, или посредствомъ — Іегова, Богъ Синая, Богъ гнѣва, силъ и справедливости, поступающій съ людьми, какъ съ пшеницей, разсѣвающій, какъ бурный вѣтеръ, сухія листья, цѣлые народы, уничтожающій царства.

предполагающей за собой, какъ актомъ чисто внутренней дисциплины церкви, in principio никакихъ другихъ послѣдствій, кромѣ строго-церковныхъ. Стремленіе сдѣлать изъ отлученнаго „поконченнаго“, такъ сказать, человѣка, „удѣлъ, достояніе діавола“, конечно, не было въ правахъ собственно-первенствующей церкви; „актъ полнаго отлученія, по словамъ проф. Кипарисова, церковь не представляла себѣ иначе, какъ внѣшне-юридическимъ актомъ отсѣченія отъ церковно-религіознаго общества (съ извѣстными послѣдствіями этого рѣшенія въ смыслъ молитвъ, погребенія и участія въ таинствахъ) и не выражала имъ вѣчнаго безворотнаго отлученія отъ ея материнскаго лона“; совершая этотъ актъ изверженія, она не принимала на себя, такъ сказать, окончательнаго предрѣшенія судовъ Божіихъ въ отношеніи къ извергнутымъ изъ ея среды, не усматривала въ немъ послѣдняго приговора¹⁾, хотя и находились, бесспорно, люди, соединявшіе съ отлученіемъ именно такое превратное представленіе. Средневѣковые канонисты запада, а за ними и греческіе, не уступавшіе, пожалуй, въ строгости сужденій въ отношеніи къ иномыслию и заблужденію первымъ, положительно уже разсматривали отлученіе не только какъ изгнаніе изъ церкви, но какъ „отлученіе отъ Бога“ и „предоставленіе сатанѣ“, и значительно злоупотребляли этимъ воззрѣніемъ въ церковно-практической сферѣ жизни. Если такъ называемому малому отлученію, т. е. временному отстраненію отъ храма и причащенія—усвоено было значеніе врачебнаго средства (excommunicatio medicinalis), то послѣднее, т. е. великое, не стѣсняясь называли *mortalis*. Можно думать, что начало такого представленія объ актѣ отлученія совпадало съ временемъ св. Кипріана Карфагенскаго, ибо у него уже встрѣчаются увѣщанія противъ очень смѣлой строгости относительно судьбы исторгнутыхъ изъ церкви „плевель“, хотя и тѣ мнѣнія, которыя осуждаеть св. Кипріанъ, очень умѣренны въ сравненіи съ позднѣйшими мнѣніями о значеніи церковнаго акта. Какъ видно изъ словъ Кипріана, на отлученіе уже смотрѣли, какъ на „сокрушеніе“ негоднаго сосуда. Въ противоположность такому мнѣнію, св. Кипріанъ училъ, что

1) Этимъ, не исключается, конечно, въ случаяхъ наложенія отлученія—твердая вѣра церкви въ то, что она выражаетъ именно волю Божію, произноситъ судъ Божій,—внутренняя увѣренность въ томъ, что данное лице своимъ ученіемъ, своимъ поведеніемъ дѣйствительно опало отъ вѣчной жизни.

право „сокрушать глиняные сосуды предоставлено одному Господу, Которому данъ и жезлъ желѣзный (Апокал. II, 27). Рабъ-же не можетъ быть болѣе Господина Своего и то, что Отецъ предоставилъ одному Сыну, никто не можетъ присваивать себѣ, почитая для себя возможнымъ носить допату для очищенія гумна, или отдѣлять человѣческимъ судомъ всѣ плевелы отъ пшеницы. Это было-бы гордымъ упорствомъ и святотатственнымъ посягательствомъ“.

Но идея, осужденная св. Киприаномъ, не только не умерла, но стала положительно прогрессировать. Въ IV-мъ вѣкѣ, когда въ церкви появилось много дѣйствительныхъ плевелъ, люди съ сокрушительными тенденціями, конечно, имѣли много пищи для выраженныхъ стремленій. Быть можетъ, поэтому, но теперь уже рѣшительно актъ отлученія стали соединять съ представленіемъ о преданіи отлученнаго въ вѣчную жертву діавола, „не имѣющую части въ спасеніи“, такъ что становится вполне понятнымъ известное выраженіе блаж. Августина, что „лучше быть умерщвлену мечемъ сожжену въ пламени или быть растерзану бѣшенными звѣрями, нежели поддаться подлѣ „анаѳемѣ“¹⁾. Къ сожалѣнію, въ позднѣйшее время такое возрѣніе не осталось хотя-бы на степени одного изъ теоретическихъ мнѣній, напротивъ, ему давали весьма крайнее практическое примѣненіе въ жизни. Разъ признавъ отлученнаго достойнымъ сатаны, находили возможнымъ и относиться къ нему, какъ къ достойной сатаны. Уже св. Григорій Богословъ даетъ намекъ, какъ иногда и нѣкоторыми понимались послѣдствія отлученія, когда напоминаетъ, что неизвинительно бѣгать отъ согрѣшившаго, какъ отъ звѣря, считать его какъ-бы напитаннымъ ядомъ эхидны или даже *убить* его. Какъ ни преувеличеннымъ показался бы этотъ послѣдній выводъ, но вѣдь изъ средневѣковой и даже позднѣйшей исторіи намъ известно, что св. Григорій оказался въ этомъ отношеніи какъ бы пророкомъ; вѣдь и въ самомъ дѣлѣ былъ возбуждаемъ вопросъ о томъ, позволительно-ли убить отлученнаго, какъ „бѣшеннаго звѣря, или дикую птицу“, и даже самымъ предательскимъ образомъ²⁾. Въ известномъ камнѣ Вѣры Стефана Яворскаго существуетъ уже ясно выраженнымъ тотъ выводъ, что если отлученный пре-

ед отъ занафитъ итъ шевиндо едъ уннѣй ондокопъ иинико болгоа эн рн) См. Прибав. къ Творг. св. Отецъ, т. ч. 33 (1884 г.); стр. 428—430; т. 5 р. 2) Мнѣніе одного западнаго канониста 2 ой пол. 18-го столѣтія. см. Н. Суворовъ, *op. cit.*, стр. 97 и прим. 2; см. Прибавл. къ Твор. св. отецъ, ч. 33, стр. 430, 481—482.

дается саганѣ, то тѣмъ болѣе можетъ быть преданъ смерти. Не этимъ-ли превратнымъ преувеличеннымъ воззрѣніемъ на отлученіе, недостаткомъ яснаго сознанія духа православною анаемѣю, объясняется и то—крайне-жестокое отношеніе, какое встрѣчали къ себѣ отлученные,—лишеніе ихъ гражданскихъ правъ, преслѣдованія, пытки, казни,—не здѣсь-ли находятъ свое объясненіе и тѣ, сильно-дѣйствующія на воображеніе, мрачныя обряды и церемоніи отлученія въ западной церкви, которые Бемеръ прямо производитъ „a moribus et institutis judaicis¹⁾, не здѣсь-ли кроется разгадка и тѣхъ ужасныхъ повѣрій, какія связаны съ неменѣе ужасными формулами отлученія? У грековъ, напр., изстари существуетъ и держится общее вѣрованіе, что ужасный отлучительный приговоръ: „часть твоя будетъ съ діаволомъ и Іудею, тѣло твое не обратится въ персть, а будетъ твердо, подобно камню, желѣзу, во свидѣтельство твоей нераскаянности“²⁾—несомнѣнно проявляетъ свою силу надъ осужденнымъ. Тѣла умершихъ подъ церковною клятвою не могутъ разложиться до тѣхъ поръ, пока не будетъ снято проклятiе; оживляемая діаволомъ они по ночамъ выходятъ изъ своихъ могилъ, бродятъ по улицамъ, питаются, какъ-бы живыя, и пугаютъ и губятъ живущихъ. Тѣла эти у грековъ получили особое названіе волковидныхъ (*βουρχολάκκα*), потому-что, по убѣжденію грековъ, они

¹⁾ Такъ,—въ нѣкоторыхъ областяхъ южной Франціи (въ XIII в.) ставили гробъ предъ дверьми отлучаемаго и бросали камнями въ его домъ. Въ нашемъ Московскомъ Успенскомъ соборѣ при патриархахъ во время „чина анаематствованія“ святитель и служащее духовенство держали въ рукахъ зажженные свѣчи, которыя, при возгласеніи анаемѣи, опускались внизъ и гасились, въ ознаменованіе того, что преданный анаемѣ лишается свѣта благодати и изгоняется во тьму кромѣшную. Подробнѣе изъ церемоніи еврейскаго херема. Въ самыхъ формулахъ проклятiя иногда (см. форм. in Decretis Burchardi) повторялись всѣ клятвы Второзаконія (28, 15—68) и даже съ мрачными дополненіями.

²⁾ По свидѣтельству историка—француза Рико, къ вышеприведеннымъ словамъ совершитель отлученія присоединялъ еще слѣдующіе угрозы: „да поразитъ тебя проказа Гевзіа; да поглотитъ тебя земля, какъ Даана и Авирона, да будешь ты трепетать предъ гнѣвомъ Божиимъ, подобно Каину, да обнищаешь ты и имѣнье то да разсѣется, какъ прахъ, пусть тебѣ никто не покажетъ сожалѣнія, не дастъ тебѣ хлѣба и не станетъ ѣсть, пить, работать и встрѣчаться съ тобою, и да пребудешь ты непогребеннымъ по смерти“. Лебедевъ. Исторія греко-восточной церкви подъ властью турокъ, т. II, стр. 712.

съ разными завываніями бѣгають ночью по улицамъ, толкаются въ двери, называютъ людей по имени и тотъ, кто имѣеть неосторожность отозваться, тотчасъ-же умираеть; почему греки и боятся отзываться ночью. Ходятъ рассказы, что у такихъ труповъ, когда вырываютъ ихъ изъ могилъ, жилы оказываются до такой степени напряженными отъ прилива крови, что послѣдняя, при открытіи ея, брызжетъ изъ нихъ ключемъ; иногда трупъ принимаетъ черный или темнокрасный цвѣтъ и надувается, какъ барабанъ; если бросить въ него камень, послѣдній отскакиваетъ, какъ отъ каждаго твердаго тѣла, если приставить къ стѣнѣ, трупъ не падаетъ, а торчитъ, какъ бревно; и т. п. Были, конечно, и другія злоупотребленія въ практикѣ церковнаго отлученія, которыя не могли остаться безъ вліянія на общее невыгодное представленіе о церковной анаемѣ. Въ противность общему основному положенію о законныхъ причинахъ отлученія, какими являлись крупныя заблужденія противъ вѣры и тяжкіе грѣхи противъ христіанской нравственности (*error propter fidem aut bonos mores*); уже и въ эпоху исторіи древней церкви были случаи, когда отлученіе отъ церкви совершалось, какъ выразился историкъ Сократъ, „не ради вѣры“, а по инымъ побужденіямъ. Первый намекъ пока еще на возможность такихъ случаевъ находится, повидимому, въ Апостольскихъ Постановленіяхъ. „Если вы, пастыри съ діаконами, читаемъ въ Постановленіяхъ, или по лицепріятію, или за условенные подарки, желая сдѣлать угодное оговорщику, приложите ложь за истину и изгоните обвиняемаго изъ церкви, хотя онъ чуждъ преступленія, то воздадите отвѣтъ“ и проч. Амвросій Медиоланскій въ извѣстной книгѣ объ обязанностяхъ священнослужителей, въ отдѣлѣ объ отлученіи (*lib. II, 27, п. 135*), настойчиво напоминаетъ лицамъ, располагающимъ дискреціонною властью, устранять отъ себя всё, что въ раздраженіи можетъ питать излишнюю слабость къ нашимъ желаніямъ¹⁾. Вѣроятно, къ половинѣ V-го вѣка случаи произвола въ наложеніи отлученій наблюдались настолько часто, что въ 471 году императоръ Левъ долженъ былъ издать особый законъ, требовавшій отъ епископовъ большей осторожности и разборчивости въ примѣненіи отлученія. Менѣе, чѣмъ чрезъ столѣтіе, императоръ Юстиніанъ издаетъ еще болѣе строгій законъ (*нов. Юст. 123, гл. 11*), изъ котораго узнаемъ, что отлу-

¹⁾ Св. Амвросія, еп. Медиол.: „Объ обязанностяхъ священнослужителей“, пер. Гр. Прохорова (Казань, 1908 г.), стр. 284.

ченіемъ пользовались, какъ средствомъ для вымогательства денегъ, или орудіемъ личнаго мщенія¹⁾. Седьмой Вселенскій Соборъ въ 4-мъ пр. снова подтверждаетъ епископамъ запрещеніе употреблять отлученіе—большое и малое—, по собственной страсти, или требуя что-либо, вообще выставляя пустые и неканоническіе предлоги“. Средніе вѣка открыли представителямъ церковной католической власти полный просторъ для сведенія при помощи специально-церковныхъ мѣръ личныхъ счетовъ съ своими врагами, или противниками, и для вторженія въ область гражданско-общественныхъ отношеній. Таковы факты исторіи. Благодареніе Богу! всё это отошло уже въ область прошлаго, но горькій осадокъ отъ всѣхъ этихъ язвъ и наростовъ на чистомъ деревѣ церковнаго отлученія и до сихъ поръ всё еще чувствуется въ сложившемся представленіи объ этомъ послѣднемъ. Пройдутъ, можетъ быть, еще долгіе дни и годы, нужны настойчивыя усилія христіанскаго просвѣтительнаго вліянія для того, чтобы пропала, изгнана мрачная тѣнь, отбрасываемая ими на актъ церковнаго отлученія, и снова въ умахъ и сердцахъ утвердилось чистое и истинное возрѣніе древней церкви, основанное на извѣстныхъ словахъ Христа и Его апостоловъ. Мы не находимъ для него лучшаго выраженія, чѣмъ то, которое далъ ему въ одномъ изъ своихъ поученій покойный Амвросій, архіепископъ Харьковскій: „Мы нимало не догрѣшимъ, говоритъ онъ, если силу и смѣсль анаѣмы, изрекаемой православною церковью вреднымъ и неисправимымъ членамъ ея, выразимъ въ двухъ словахъ: „оставьте насъ“. Вы не вѣруете, какъ Господь повелѣлъ намъ вѣровать, вы пренебрегаете Его святыми заповѣдями, вы унижаете Его святую благодать, вы издѣваетесь надъ уставами Его церкви, которую Онъ создалъ, которую такъ любить, которую общалъ хранить до конца міра, въ которой положилъ всѣ сокровища Своихъ искупительныхъ заслугъ; вы вносите въ эту церковь свои разрушительныя возрѣнія и ученія, вы глумитесь надъ церковными чиноположеніями, обрядами и обычаями; для васъ ничто въ церкви не свято, ничего вамъ не нужно,—оставьте насъ. Мы готовы быть въ мирѣ съ Вами, какъ со всѣми согражданами; невѣдующими вѣры и закона Христа; мы можемъ быть и сосѣдями Вашими, и сослуживцами, и сотрудниками въ дѣлахъ общежитія, но не въ единомысліи отъ

¹⁾ См. Приб. къ Твор. св. Отц., ч. 133, стр. 473, сн. Чтенія въ Имп. Общ. Исторіи и Др. рос. 1901, кн. 3, стр. 427.

носителю предметовъ вѣры, не въ общеніи молитвъ и таинствъ, не въ союзѣ любви духовной, не въ раздѣленіи съ вами нашихъ надеждъ и упованій,—оставьте насъ, Вы стали язычниками, отреклись отъ чистоты и полноты вѣры Христовой, вы по жизни стали для насъ тѣмъ, чѣмъ были мытари для древнихъ евреевъ; мы такъ и понимаемъ васъ, какъ Господь повелѣлъ намъ васъ разумѣть: буди тебѣ, яко язычникъ и мытарь. Но это ваша свободная воля—быть тѣмъ, чѣмъ вы желаете, а наша обязанность смотрѣть на васъ и относиться къ вамъ такъ, какъ намъ повелѣно отъ Господа, въ Котораго мы вѣруемъ и отъ Котораго ожидаемъ спасенія. По заповѣди нашего Господа намъ остается, еще только молиться о васъ: Пресвятая Троица, сотвори, да придутъ ти въ познаніе Твоей вѣчной истины“ [Харьк. проповѣди В. Амвросія (изд. 1895 г.), стр. 222—223].

А. Преображенскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Открытіе Древлехранилища Церковнаго Историко-Археологическаго Общества Казанской Епархіи.

Высокопреосвященный Никаноръ, Архіепископъ Казанскій и Свіязскій, принявъ (согласно § 6 Устава) Казанское Церковное Историко-Археологическое Общество подъ свое покровительство и почетное предсѣдательство, съ самого начала проявилъ Архипастырское вниманіе и благопопечительность объ Обществѣ, его устройствѣ и процвѣтаніи. Подобно своему предшественнику по Казанской кафедрѣ покойному Основателю Общества Высокопреосвященному Димитрію,—Высокопреосвященный Никаноръ радушно представилъ свои покои для собраній Общества, самъ всегда присутствовалъ на нихъ и дѣлалъ доклады и сообщенія, а также поощрялъ къ сему и другихъ; при обзорѣннѣ церквей самъ указывалъ древнія иконы и священные предметы, которые и предлагалъ представить въ Древлехранилище Общества.

Недолго просуществовавшее при жизни своего Основателя, покойнаго Высокопреосвященнаго Димитрія, молодое Общество, конечно, не успѣло еще вполне благоустроиться. Первая и великая нужда у него была—это устройство своего помѣщенія. Со времени своего основанія Общество помѣщалось въ Архіерейскомъ домѣ,

въ одной изъ комнатъ покоевъ Его Высокопреосвященства—тутъ были и библіотека и древлехранилище и канцелярія Общества. Высокопреосвященный Никаноръ сразу же обратилъ вниманіе на эту нужду Общества и пришелъ въ этомъ дѣлѣ ему на помощь: ко времени втораго при себѣ общаго собранія Общества въ августѣ 1908 г. Высокопреосвященный Архипастырь сдѣлалъ Обществу слѣдующее предложеніе (отъ 14 августа за № 4028): «По уставу Общества (§ 2) задачею Общества служить устройство Церковнаго Древлехранилища для сосредоточенія и храненія письменныхъ и вещественныхъ памятниковъ церковной древности. Идя на встрѣчу сему, предлагаю Обществу воспользоваться зданіемъ, находящимся на архіерейскомъ дворѣ, въ которомъ бывають спѣвки архіерейскихъ пѣвчихъ, причемъ полагаю необходимымъ сдѣлать во всемъ зданіи хоры, на что я изъявляю готовность пожертвовать триста рублей». Принявъ съ глубокою благодарностью такое предложеніе и щедрое денежное пожертвованіе, Общество, съ благословенія своего Высокопреосвященнаго Покровителя, приспособило означенный новый, двухсвѣтный, обширный каменный корпусъ для Древлехранилища и библіотеки Общества, произведя для сего нужныя работы на пожертвованныя Его Высокопреосвященствомъ деньги.

И вотъ, 5 апрѣля сего 1909 г., въ воскресенье Ѳоминой недѣли,—въ первую годовщину назначенія Высокопреосвященнаго Никанора на Казанскую кафедру,—состоялось открытіе Древлехранилища Общества. Самъ Высокопреосвященный Архипастырь въ этотъ день совершалъ Божественную литургію въ Воскресенской церкви г. Казани, поэтому открытіе Древлехранилища было совершено въ его отсутствіи. Торжество открытія состояло въ слѣдующемъ: Предсѣдателемъ Общества Преосвященнымъ Алексіемъ, Епископомъ Чистопольскимъ, Ректоромъ Казанской Духовной Академіи, была совершена въ кафедральномъ соборѣ Божественная литургія, а послѣ оной въ новомъ помѣщеніи Древлехранилища—молебень съ водоосвященіемъ, закончившійся многолѣтніями Государю Императору и всему Царствующему Дому, Покровителю и Почетному Предсѣдателю Общества—Высокопреосвященному Архіепископу Никанору, Предсѣдателю Общества—Преосвященному Алексію и всѣмъ членамъ Общества. Была также провозглашена вѣчная память почившему Основателю Общества Высокопреосвященному Ди-

митрію. На торжествѣ открытія, кромѣ членовъ Общества, присутствовали и другія лица. По окончаніи Богослуженія всѣ бывшіе на семь торжествъ, во главѣ съ Преосвященнымъ Алексіемъ, перешли въ покои Его Высокопреосвященства, гдѣ, отъ имени отсутствовавшего Высокопреосвященнаго Владыки — хозяина дома былъ предложенъ присутствовавшимъ чай. По окончаніи всего Преосвященный Алексій воздалъ заочно Его Высокопреосвященству глубокую благодарность, а затѣмъ, по предложенію Преосвященнаго Алексія, всѣми присутствовавшими было проѣто Его Высокопреосвященству — *εὐς πολλὰ ἔτη Δεσποτά*. Этимъ и закончилось торжество открытія Древлехранилища. Такимъ образомъ, благодаря благопечительности Высокопреосвященнаго Никанора, Общество теперь имѣетъ прекрасное помѣщеніе для Древлехранилища и библіотеки.

Заканчивая настоящее сообщеніе, осмѣливаемся высказать наше горячее пожеланіе: дай Богъ, чтобы такая благопечительность Архипастыря церкви Казанской о Церковномъ Историко-Археологическомъ Обществѣ Казанской епархіи подвигла къ усердному подражанію и всѣхъ подвѣдомыхъ ему пастырей, а равно и паству Казанскую.

Секретарь Общества *Н. Ипатьевъ*.

БИБЛІОГРАФІЯ.

I. Горскій. „Григорій Тучкинъ“. Повѣсть о старыхъ и новыхъ людяхъ русской деревни. С. Петербургъ. Изданіе А. Ф. Девриена, цѣна 1 руб.

(Посвящается молодому поколѣнію обновленной родины).

Герой повѣсти — Григорій Тучкинъ — типъ новаго человека русской деревни, народившагося въ послѣднее время. Это страстный противникъ сельской общины, закрѣпостившей личность, новаторъ въ сельскомъ хозяйствѣ-хуторянинъ, по убѣжденіямъ современный невѣръ.

Сынъ проживавшаго въ городѣ богатаго крестьянина дер. Низовки, получившій достаточное образованіе, особенно по агрономіи, онъ ѣдетъ, по смерти отца, изъ города въ родную деревню.

Его потянула туда страстная любовь къ землѣ и искреннее желаніе помочь своими знаніями и средствами общему крестьянству. Сѣрая, невѣжественная, грубая деревня встрѣчаетъ его недоверчиво и даже злобно: его считаютъ высланнымъ изъ города за политику. Тучкинъ знакомится съ полевымъ хозяйствомъ своихъ односельчанъ и, находя его крайне неудовлетворительнымъ, склоняетъ ихъ къ новому раздѣлу полей и лучшей обработкѣ земли. Рутина не поддается его совѣтамъ и указаніямъ. Крестьяне крѣпко стоятъ за старину, отъ которой терпятъ страшную нужду и горе. Онъ ищетъ сочувствія и поддержки своимъ добрымъ намѣреніямъ у священника и помѣщика. Тотъ и другой принимаютъ въ томъ живое участіе. Не добившись толку у своихъ однообщественниковъ, Тучкинъ рѣшается перейти на хуторское хозяйство и соглашается къ тому-же своего друга—молодого крестьянина Димитрія. Низовцы сначала противятся выдѣленію ихъ изъ общины и не хотятъ нарѣзать имъ надѣльную землю къ одному мѣсту, но, склоняясь на убѣжденія священника, соглашаются вырѣзать, но только самую негодную землю, въ количествѣ 18 десятинъ на каждого.—Тучкинъ и Димитрій берутъ ее, лишь-бы только выйти изъ неволи. Для нихъ начинается усиленный и упорный трудъ по разработкѣ пустырей: корчеванію ихъ, распашкѣ, разрыхленію почвы и т. д.; съ ранняго утра до поздней ночи они въ полѣ, и никто и ничто не мѣшаетъ имъ дѣлать свое дѣло, какъ хотятъ. Конечно, не обходится дѣло и безъ наемнаго труда, на который у Тучкина есть средства. Сразу вводится девятипольная система. Скоро все наладилось, и начался посѣвъ травъ и хлѣба.

Тучкинъ и Димитрій строятъ на хуторахъ, при рѣчкѣ, на красивой мѣстности, дома. У Тучкина домъ, дворъ и всѣ хозяйственныя постройки построены такъ удобно и практично, что приводятъ въ удивленіе уѣзднаго агронома.

Зеленѣющія на хуторахъ поля и нивы привлекаютъ вниманіе и завистливый взоръ Низовцевъ, и между ними начинается расколъ: одни—болѣе смѣшленные и трудолюбивые тянутъ къ хуторскому хозяйству и стремятся къ выдѣленію изъ общины, которая стѣсняетъ ихъ самостоятельность, а другіе слабые члены общины держатся за старину, но не удержатъ имъ сильныхъ, подобныхъ Тучкину и Димитрію. Указъ 9 ноября 1906 г., о которомъ страстно спорятъ наши законодатели, имѣетъ жизненную силу, и

подворное и хуторное владѣніе есть назрѣвшая потребность нашего заброшеннаго землеустройства.

Кромѣ главной идеи о преимуществѣ хуторскаго хозяйства предъ общиннымъ, въ повѣсти параллельно проведена и другая—весьма глубокая и вѣрная мысль о томъ, какъ религиозная атмосфера деревни (Церковь, домъ священника, посты, иконы, крестное знаменіе, возженіе лампадъ въ крестьянскихъ избахъ, простая, но сердечная молитва окружающихъ простыхъ людей), въ связи съ другими, личными испытаніями Тучкина на почвѣ чистой, любовной привязанности къ дѣвушкѣ—дочери священника, благотворно подѣйствовали на невѣрующаго, но чистаго душою и цѣломудраго нашего героя. Онъ наблюдалъ, какъ уважаемыя имъ лица: священникъ, тетя Орина, Дарья, да и большинство деревенскихъ жителей, а особенно горячо любимая имъ поповна Лидія Ксенофоновна, чтутъ Бога и живутъ вѣрой въ Него и надеждой на Его Благой Промыслъ,—а онъ живетъ, какъ-бы отщепенецъ какой,—и это наблюденіе мало-по-малу прививало къ его сердцу чувство вѣры. Его привела къ Богу тетя Орина, которой онъ однажды открылъ свое горе—неудавшуюся любовь къ Лидіи Ксенофоновнѣ.

«Помолись-ка Спасителю, да Царицѣ Небесной», сказала она Тучкину,—«скорбь-то и пройдетъ. Тоску-то твою какъ рукой тогда сниметь».—«Какъ я буду молиться,—горько усмѣхнувшись, замѣтилъ Григорій,—если я и въ Бога-то не вѣрую».—«А ты просишь у Бога вѣры-то?»—пытливо глядя на юношу и ставъ передъ нимъ, спросила она.—«Никогда», въ недоумѣніи отвѣчалъ тотъ.—«Вотъ потому-то и не вѣруешь. А ты, касатикъ, попроси себѣ вѣры-то, попроси, мой ненаглядный. Давай-ка, родимый мой, помолимся вмѣстѣ». И о, чудо! Подъ благодатнымъ воздѣйствіемъ искренней и глубокой молитвы благочестивой старушки—тети Орины и самаго Тучкина—о просвѣщеніи его свѣтомъ вѣры совершилось внутреннее перерожденіе невѣра въ вѣрующаго. Тучкинъ вскорѣ вступилъ въ Церковь Христову, исповѣдовался у о. Ксенофонта и приобщился Св. Таинъ.

Повѣсть оканчивается женитьбой Тучкина на Лидіи Ксенофоновнѣ, съ которой онъ счастливо зажилъ на своемъ хуторѣ благословенною Богомъ семейною жизнью, находя себѣ ограду и въ благоустроенномъ хуторномъ хозяйствѣ.

Авторъ повѣсти—сельскій священникъ Тверской епархіи—обнаружилъ глубокую наблюдательность надъ жизнью деревни и съ художественною картинностью изобразилъ какъ дѣйствующихъ лицъ съ ихъ своеобразною психикою, такъ и внѣшнюю обстановку деревенскаго быта. Описанія природы исполнены искренняго поэтическаго восторга. Батюшка дышетъ глубокою любовію къ природѣ, простому сельскому люду и къ культурному земледѣльческому труду, какъ залогъ благосостоянія многомилліоннаго крестьянства.

Стиль повѣсти образный и выразительный. Повѣсть читается легко и съ неослабѣвающимъ интересомъ. Она идетъ какъ для интеллигента, такъ и для простолюдина. Первому повѣсть даетъ урокъ, въ лицѣ главнаго героя Тучкина, куда нужно обратить свою энергію, знанія и средства и въ какомъ направленіи мысли и чувства работать въ народѣ и для народа, чтобы приносить ему дѣйствительную пользу. Простолюдинъ же найдетъ въ повѣсти яркое и назидательное изображеніе своей жизни, ея темныхъ и свѣтлыхъ чертъ, и его чуткое сердце несомнѣнно извлечетъ изъ нея сильное побужденіе полюбить землю и устроить свое хозяйство на новыхъ разумныхъ началахъ, чтобы земля явилась дѣйствительною его кормилицею и избавила отъ нужды и голода.

Кто ни читалъ эту повѣсть, всѣ дали о ней лестный отзывъ. Вотъ какое впечатлѣніе произвела она на бывшихъ крестьянъ, теперь служащихъ на фабрикѣ гг. Морозовыхъ въ Твери. Привожу письмо ихъ къ автору, отъ 23 ноября 1908 г. «Прочитавъ книгу подъ названіемъ «Григорій Тучкинъ», авторомъ которой вы изволите быть, мы—нижеподписавшіеся всѣ единодушно рѣшили написать вамъ настоящее письмо. Ваша книга произвела на всѣхъ насъ самое наилучшее впечатлѣніе. Выставленные вами въ означенной книгѣ типы въ высшей степени правдоподобны. Вообще, все содержаніе книги, по нашему мнѣнію, рисуетъ самую правильную картину жизни нашей деревни съ ея нуждами и потребностями. Вы, какъ человѣкъ весьма наблюдательный, имѣя такую идеальную душу и одаренный даромъ писательства, справедливо описали всѣ недостатки нашей деревни. Намъ, близко знающимъ жизнь нашихъ крестьянъ, нельзя не радоваться, что у насъ среди пастырей церкви есть такіе священники, какъ вы, горячо любящіе свою родину и такъ болѣющіе душой о бѣдномъ людѣ и своей паствѣ. Почему привѣтствуемъ васъ, дорогой батюшка, съ вступленіемъ на путь

литературной дѣятельности и убѣдительно просимъ васъ: не зарывайте своего писательскаго таланта, а продолжайте писать въ христіанскомъ духѣ. Вѣрьте, что то сѣмя, которое посредствомъ своихъ произведеній бросите вы въ народную массу, не пройдетъ безслѣдно, а принесетъ обильный плодъ.

Молимъ Господа Бога, чтобы Онъ сохранилъ ваше здоровье и ниспослалъ вамъ побольше силъ для вашихъ литературныхъ трудовъ на благо дорогой изстрадавшейся нашей родины.

Конторщики фабрики Т-ва Тверской Мануфактуры: Иванъ Копыловъ, Александръ Туркинъ, Михаилъ Петрушинъ, Арсеній Смирновъ, Александръ Курковъ и Василий Елецкій».

Съ своей стороны мы рекомендуемъ эту книжку духовенству и всѣмъ просвѣтительнымъ учрежденіямъ деревни для прочтенія ея въ народныхъ аудиторіяхъ, желаемъ распространенія ея и среди свѣтской интеллигенціи, мало знакомой съ деревней и скучающей въ городахъ отъ бездѣлья или мертваго дѣла.

Выписывать книжку можно отъ Девріена изъ С.-Петербурга и изъ книжнаго склада св. благовѣрнаго князя Михаила Ярославича въ гор. Твери.

Священникъ *Михаилъ Любскій*.

„Тверскія Епархіальныя Вѣдомости“.

ИЗВѢЩЕНІЕ.

Въ Канцеляріи Высокопреосвященнѣйшаго **Н и к а н о р а**,
Архіепископа Казанскаго, можно получать его книги:

- 1) Толковый Апостолъ, въ трехъ частяхъ Ц. **8 р.** —
- 2) Изображеніе Мессіи въ Псалтири Ц. **1 р. 50 к.**
- 3) Изслѣдованіе Посланія къ Евреямъ Ц. **2 р.** —
- 4) Церковныя Чтенія Ц. **1 р. 50 к.**
- 5) О Папствѣ Ц. — **50 к.**
- 6) О любви къ себѣ Ц. — **20 к.**
- 7) Высокопреосвященнѣйшій Никаноръ бывшій Епископъ Смоленскій Ц. — **50 к.**
- 8) Казанскій Сборникъ Ц. **3 р.** —

Выписывающимъ на **10 р.** пересылка бесплатная, на **25 р.** и болѣе уступка **10 %** и болѣе.

Объявленія.
КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗАВОДЪ
Бр. Приваловыхъ
въ нижнемъ-новгородѣ (Канавино).

Всегда готовые колокола отъ **200** пудовъ, принимаются заказы изъ разныхъ сортовъ мѣди.

Фирма существуетъ съ **1817** года и удостоена медалей за **Всероссійскую Выставку 1896** года и др.

Также имѣются колокола на складъ въ гор. **Сарапуль** у **н. В. Полякова.**

Бр. Приваловы.

Адресъ для телеграммъ: **Канавино, заводъ Приваловыхъ.**

» » писемъ: **Н.-Новгородъ, Канавино,**

Ивану Андреевичу Привалову.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОМЕОПАТИЧЕСКАЯ АПТЕКА

С. А. Форбрихеръ

(основана въ 1883 году).

Москва, Петровка, д. № 19.

Высылаетъ Лекарства и Лечебники на все почтовые станціи Европейской Россіи съ наложеннымъ платежемъ. Въ Азіатскую-же Россію не иначе, какъ по полученіи при заказѣ зататка въ размѣрѣ стоимости пересылки.

Имѣются также для продажи немного попорченныя Лечебники своего изданія, которые уступаемъ за половинную цѣну.

Прейсъ-Курантъ Лечебниковъ, Гомеопатич. Лекарствъ и аптечекъ **высылается бесплатно.**

— ♦ —
Редакторъ священникъ **Н. Писаревъ.**

Печатать дозволяется. 29-го апрѣля 1909 года.

Ректоръ Академіи, Епископъ **Алексій.**